

От Смоленска до Москвы и в «треугольнике» Смоленск–Орша–Витебск

В субботу, 21 июня 1941 г. я, Подорникова Аня, сдала экзамен по последнему предмету за второй курс в Смоленском медицинском училище. Было мне 16 лет от роду (родилась 25 декабря 1925 г. в деревне Лоино Касплянского района, Смоленской обл.). А 22 июня 1941 город начали бомбить немецкие самолеты. Объявили начало войны, сдавших все экзамены за второй курс, собрали в училище, выдали справки о присвоении квалификации медсестер и распределили по Смоленским госпиталям. ... А немцы днем и ночью сбрасывали бомбы на мирный город, появились раненые горожане, стали поступать и эшелоны, переполненные ранеными красноармейцами. Хирургов было мало и нам медсестрам пришлось осваивать их ремесло для того, чтобы делать простые операции. ... Уставали до изнеможения, перевязывали до тех пор, пока могли двигаться. Не хватало кроватей для раненых, их на носилках ставили плотными рядами на полу даже в коридорах, но тяжелораненых старались вывозить в Москву (до тех пор, пока туда проходили поезда).

Никто из нас в первые дни войны не верил в возможность захвата Смоленска гитлеровцами. Однако, сдерживая в неравных боях их продвижение, наши войска отступали. Участились бомбежки, горели дома, вокзал, сгорал город. Мы ночами стали охранять госпиталь, поскольку около Смоленска появились немецкие десантники. Медсестрам пришлось участвовать и в их ликвидации. Однажды ночью, когда немецкие десантники очутились в городе, а их ракеты осветили улицы и дома, нас собрали по тревоге и «приказали комсомольцам участвовать добровольно» в уничтожении десанта вместе с городским отрядом красноармейцев. Только в мае месяце того 1941-го года мне выдали комсомольский билет, он был со мной всегда (сдала его в 1943 г., когда приняла в партию). Я самая маленькая комсомолка в госпитале, первой вышла из строя медсестер и сразу же преобразилась в «настоящего» бойца, расписавшись за получение винтовки и медицинской сумки... Днями и ночами на город, вокзал и на прибывающие эшелоны падали немецкие бомбы. Кругом все горело, но нам медсестрам приходилось выносить из горящих вагонов тяжело раненых и сопровождать их в госпиталь. Я быстро взрослела и начала осознавать головой, душой и сердцем ту опасность, которая нависла над Родиной.

До 16 июля продолжались уличные бои, а за Днепром, оставшиеся без патронов бойцы, погибали в рукопашных схватках; окраины Смоленска три раза захватывали и оставляли гитлеровцы. Когда я вместе с отступающими красноармейцами и мирными жителями Смоленска подошли к Соловьевой переправе, там был настоящий ад! Но после переправы стало еще хуже: мы оказались в окружении без боеприпасов, медикаментов и питания. Когда в моей сумке медсестры не оказалось даже бинтов, приходилось перевязывать раненых «насухо», разрывая красноармейские рубахи. Ничего не было, кроме толковых командиров из разрозненных воинских частей. Только благодаря их воле и настойчивости наша группа (не имевшая гранат и патронов, но вооруженная винтовками со штыками и воплем «Ура!») вырвалась из окружения и направилась к Москве. Немецкие самолеты бомбили и Подмоскovie, но здесь мы «стали насмерть», начали рыть окопы, противотанковые рвы, ставить «ежи» ... Пошел снег, наступила зима, мы без теплой одежды замерзали в Смоленских лесах. Меня истязали фурункулы,

карбункулы; медикаментов для их лечения не было, гнойники покрыли тело, лицо и даже пальцы ног, которые очень быстро превратились в гниющие сосульки; самостоятельно идти я не могла. Чудом явилась встреча с партизанами отряда Арсения Шалыгина (тогда полка Гришина из соединения «Бати»). Жена Шалыгина тоже была медсестрой, а связной отряда была Ольга Павловна Попова. Однажды Олю, возвращавшуюся в отряд, задержали немцы; они зверски поиздевались над партизанкой и после пыток повесили в деревне Рытино Смоленской области. Меня назначили связной отряда Шалыгина со штабами Гришина и «Бати».

5 апреля 1942 г. наш отряд (Шалыгина) находился в деревне Глазово; здесь меня назначили медсестрой в диверсионный взвод Богданова Геннадия Александровича. Запомнился первый бой в этом отряде. Тогда (в первой половине июня 1942 г.) наши разведчики выявили около 2000 немецких солдат и офицеров, отдохавших и лечившихся после ранений на озере Катынь (около большого села Язвище Смоленской обл.) Гитлеровцы там загорали и веселились, забыв о нашем существовании. Но на рассвете 21 июня около 200 партизан под командованием самого Шалыгина начали разгром Язвищевского гарнизона и к полудню с ним расправились. Отряд захватил много оружия, боеприпасов, продовольствия, коров, лошадей и даже медикаменты. Я в том бою получила сквозное пулевое ранение в левое плечо, когда оттаскивала раненых партизан в безопасное место для перевязки. К счастью, раненых было мало, но были и убитые.

После успешного боя партизаны взорвали немецкие танки и пушки, дзоты и укрепления, погрузили раненых на трофейные подводы и вернулись в деревню Холм. Я, будучи легко раненой, повезла тяжело раненых в центральный лесной госпиталь соединения Коляды. Когда я подвезла раненых к штабу «Бати» сам Никифор Захарович подошел к нам со штабными командирами. Он поблагодарил меня за самоотверженность, переговорил с каждым из раненых, определил состояние каждого, решал, кого из них оставлять в своем госпитале, кого на «Большую землю»

Сдав раненых на попечение госпиталя, я возвратилась в Холм с надеждой отлежаться в собственной санчасти. Но первоначально направилась в штаб отряда, который размещался в большом здании бывшей школы, построенном на возвышенности. Докладываю командиру Шалыгину о благополучной передаче раненых в центральный госпиталь соединения «Бати», а деревню начинают обстреливать из орудий и бомбить немецкие самолеты... Взрывная волна от прямого попадания бомбы в здание школы подняла меня выше уровня кровли. Ко мне вернулось сознание, когда я ударилась о стропила, принявшие вертикальное положение. Не помню, как этот временный шалаш обрушился, как я оказалась над большой воронкой, в середине которой лежал присыпанный землей начальник штаба отряда Шалыгина — Самуил Арсентьевич Лагерев. Вижу, что смотрит он на меня и шевелит губами, но не слышу его. Сообразила, что утратила слух, ощутила кружение всего вокруг, звон в ушах, поняла, что серьезно травмирована...

Тогда отряд Гришина и отряд Шлапакова были в соединении Бати, базировавшегося в треугольнике Смоленск–Орша–Витебск. Здесь Батей и его заместителем Садчиковым создавались первые четыре диверсионных отряда (преобразованные позже в четыре батальона Смоленского партизанского полка особого назначения). Первый отряд комсомольцев возглавил старший лейтенант Александр Иванович Птюшкин, ставший и заместителем командира полка по комсомолу. Он прибыл в составе группы Садчикова в мае 1942 г., но подорвался на mine 10 августа того же 1942 г., и мы его похоронили на кладбище деревни Пезолы Витебской области. Комиссаром отряда был назначен мой односельчанин Ковындиков Моисей Герасимович,

начальником штаба этого отряда стал Самуил Арсентьевич Лагерев. Я была назначена медсестрой и избрана секретарем комсомольской организации комсомольского отряда №1 (позже наш первый отряд вошел в состав первого батальона полка Садчиков). В этот отряд был назначен разведчиком и мой земляк Миша Егоров (из Каспьянского района, между нашими деревнями менее 10 км.).

В июле 1942 г. из деревни Полозы (около Духовщины) наш отряд направился «в треугольник» (к Рудне). Нужно было парализовать передвижение немцев на дорогах между Смоленском и Витебском. Неделю шли лесными партизанскими тропами, задерживаясь для уничтожения небольших гарнизонов, взрывов мостов, разрушения шоссейных дорог, захвата немецких обозов. Ночью привал перед ж.д. на перегоне Лелеквинская – Голынки – Рудня. Местность тихая, заболоченная, туман, но курить и разговаривать запрещено. Наши разведчики Степан Варочкин и Михаил Егоров определили удобное место для перехода отряда через хорошо охраняемую «железку», перебравшись через нее, мы благополучно углубились в лес. Степана Варочкина дважды представило командование к званию Героя Советского Союза, которого по неизвестной причине он не удостоен до сих пор.

В болотно-зимних условиях многих пришлось лечить от обморожений ног 2-ой и 1-ой степени. Обморожена была и сама, лечилась и лечила гипертоническим раствором, других лекарств не было. Соль была дефицитной, ценилась на вес золота. Но выше всего ценились тогда ноги, которые чаще отказывали у пожилых и малолетних партизан. У нашего опытнейшего пожилого врача 4-го батальона Романова Федора Михайловича отказали обмороженные ноги, плохо они стали нести и молодого партизана Маевского Максима Давидовича; передвигался с большим трудом по болотам, в которые загоняли нас часто. Батя мудро обосновался в Демидовских лесах вблизи штаба армий «Центр», но немцы предпринимали карательные походы в приближенный к ним партизанский край.

Операция «Желтый слон» сопровождалась многими тяжелыми ранениями, но до отъезда Н.З.Коляды в Москву я отправляла тяжело раненых в центральный госпиталь его соединения. Однажды каратели загнали наш отряд в болота и втянули в неравный бой. Когда мы оказались без боеприпасов (по три патрона на винтовку, двадцать патронов на автомат и одна граната на 10 партизан), командовавший нами ст. лейтенант Ковындиков принял решение выбираться из окружения отдельными группами по 3–4 бойца; из боя выходили мы разрозненно. Я оказалась в группе с Прудниченковым и Станьковым, мы решили уходить болотом. Но, когда стало темнеть, начали проваливаться в глубокие топкие места (не замечали их в темноте). Куда идти не знали, ведь карты и компаса не было, а звезды на небе не появлялись. Вернулись по своему следу к окраине — к началу пути. Впереди перед нами немцы, которые простреливают болото трассирующими пулями. У окраины болотной топи нашли большой куст, разогнули ветки, сели втроем - не тонет. Нашли куст поменьше, отрубили финкой его верх от корней и уселись на первый куст, накрыв головы вторым. Перед нами на опушке леса (перед болотом) немцы развели большой костер; греются подле него, постреливают в болото (в нашу сторону). Пули посвистывают над головами и сшибают ветки с нашего верхнего куста. Мы подмокаем и ждем утра в болотной грязи. На рассвете видим немецких солдат у затухающего костра метрах в 70-и от нас. Вдруг они поспешно собрались и ушли. Тишина...

Мы решили уходить на восток на восходящее солнце. Меня сделали разведчицей, этому способствовал маленький рост «подростка». Я смело входила в незнакомые деревни и говорила, что здесь моя мама-беженка из Смоленска. Деревенские жители сочувствовали партизанам и помогали, чем могли. Идем на восток мы, идут туда

и немцы. На дорогах их танки, автомашины, мотоциклы, обозы. Переходить дорогу мои спутники могут только ночью, когда немецкие солдаты располагаются на короткий отдых...

Втроем мы искали отряд целую неделю, обходя опасные места, я заходила в деревни, выпрашивала что-нибудь поесть, узнавала место нахождения. Шли с оружием, но без патронов, одна граната на троих. Потом к нам начали присоединяться местные партизаны, и наша группа увеличилась до 37 человек. Местные, которые были связными партизан, привели нас в отряд Бабакефьяна Семена Григорьевича из соединения Бати... Нас покормили, я до вечера перевязывала раненых; среди них были и те, которых отправляла сюда перед блокадой (перекрывшей коридор на Большую Землю). Этот отряд из соединения Бабакефьяна располагался недалеко от железной дороги: ночью мы слышали движение поездов...

Вечером группа партизан добровольцев нашего отряда была направлена на подрыв поездов. Старшим группы назначили автоматчика Диму Краснова, с ним шли еще два автоматчика-подрывника (Миша Станьков и Петя Прудниченков), с пулеметом Дегтярева - Гриша Ковалев и я - медсестра. Вышли мы на просеку и пошли «как учили»: через 4–5 метров друг за другом, «след в след». Я шла второй (за Красновым). Вдруг взрыв и мощная волна отбросили меня в сторону от просеки, опрокинула на землю. На мину наступил пулеметчик Гриша, который шел за мной (третьим). Его тело упало с высоты без рук, ног и головы. На земле перед воронкой оказалось только обгорелое мясо туловища, а обрывки одежды висели на деревьях. На месте взрыва около воронки лежал и изогнутый Гришин пулемет. Мы стояли ошеломленные над трупом, а со стороны «железки» раздались пулеметные и автоматные очереди, через нас начали перелетать и разрываться мины. Это заставило быстро углубить воронку и зарыть в ней все то, что осталось от нашего смоленского Гриши Ковалева (1925-го года рождения, как многие из нас).

Радости моей не было предела, когда наш обоз вошел в деревню Лоино, Касплянского (теперь Смоленского) района — в мою родную деревню. Здесь я впервые увидела командира нашего Смоленского полка особого назначения - Ивана Федоровича Садчикова. Он тогда представился и объявил, что наш отряд передан Батей Колядой в создаваемый им полк. Поблагодарив нас за успешный выход из окружения, Садчиков посоветовал хорошо отдохнуть ...

Схватила свой автомат, выбегаю из дома и вижу, что бежит Миша Егоров с пулеметом Дегтярова, а в руке коробка с патронами к пулемету. Говорит, что его оставили прикрывать отход партизан с колокольни церкви. Я взяла у него патроны, и мы побежали к лесу (в 700-800 м от нашей деревни). Подбегаем к лесной просеке и видим, что на ней стоит немецкая танкетка, а рядом офицер курит, нас не видит. Мы вынуждены бежать мимо танкетки, а немец обернулся, увидел нас и пальцем манит к себе. Мы рванулись и пробежали рядом с танкеткой, перепрыгнули через ручеек, оказавшийся за ней и метрах в 50-и видим густой кустарник. Бежим к кустам. Сзади выстрелы, но мы уже в кустах. Бежим. Немцы начали стрелять по кустам из крупнокалиберного пулемета, но уже «вслепую», срезая верхушки деревьев над головами. Догнала я с Мишей Егоровым партизан возглавляемых Садчиковым, когда полк готовился к бою с окружающими нас гитлеровцами.

М. Егоров и А. Михайловская (1946 г.)

Опять бой, мы прорвались и заняли оборону, оказавшись у передовых позиций Западного фронта. Полк втянул немцев за собой «в мешок».

В конце июня 1942 г. в деревне Полозы (Смоленская область) учили нас (около 10 дней), выделенные Батей инструкторы стрелять из винтовок, автомата, пулеметом Дегтярева и «Максима», учили бросать гранаты и устанавливать магнитные мины под рельсы. В конце лета наш полк снова вырвался из окружения, мы перешли линию фронта и оказались в тылу Красной Армии. По заданию штаба я ездила по прифронтовым медсанбатам и госпиталям, привозила перевязочный материал, медикаменты, добыла пол литра спирта для обработки ран (который скрыла от всех). В деревне Большой Клин отдыхали мы целый месяц. Нас и здесь бомбили, и здесь

партизаны погибали и обретали ранения. Но я отправляла тяжело раненых в медсанбат или госпиталь. Отсюда 700 наших партизан перевели в поредевшие за время боев регулярные армейские части, на складах которых мы получали боеприпасы и оружие.

Месяц отдыха пролетел быстро. В начале октября 1942 года мы группами по 5–6 человек переходим линию фронта и возвращаемся в немецкий тыл. В первых числах ноября полк расположился в деревнях недалеко от Демидова. Наш отряд находился в лесной деревне Марченки. Неожиданно (по наводке предателей) мы были окружены фашистами, подручные которых умудрились снять бесшумно наши секреты и часовых. Отряду пришлось спешно отступить в лес, но Ивана Николаевича Чуркина (комиссара нашего отряда №1) фашисты поймали, издевались, отрезали уши, выкололи глаза, искололи всего штыками и распяли, как Христа, сожгли деревню. Той же ночью партизаны вынесли тело И.Н. Чуркина, и мы похоронили с почестями Героя на кладбище деревни Марченки. Поиздевались фашисты и над двумя партизанками Олями (Коптуровой и Поповой). Однажды они возвращались из разведки и оказались перед немецкой засадой. Попову Ольгу Павловну немцы тогда задержали, зверски поиздевались и повесили в деревне Рытино Смоленская область. Более опытная Ольга Михайловна Коптурова тогда смогла убежать от преследователей. Она до войны училась в Смоленском пединституте и, оказавшись связной «Бати», осуществляла постоянную связь штаба соединения с отрядом Шалыгина (в котором числилась некоторое время партизанкой). Ее выследили и задержали фашисты, когда она возвращалась в отряд. Звери поиздевались над ней и тоже повесили в 1942 г., к сожалению, забыла название деревни (в Смоленской области) [где это произошло].

Полк на пароме перебрался через реку Катунь; уничтожили мы паром и ушли в Катунский лес. Оттуда через месяц пошли с боями в «свой треугольник» (Смоленск-Орша-Витебск) и мстили за погибших, уничтожая на пути немецкие гарнизоны, разделяваясь с предателями Родины.

В тот «треугольник» пришли и оказались в нашем отряде Ковалев Гриша и Ленченко Володя (два товарища, окончившие перед войной 10 классов в Смоленской школе). К сожалению, оба вскоре погибли: Ковалев идя на подрыв железной дороги сам подорвался на mine, а Ленченко был убит в бою за переправу через реку Березину. В

конце 1942 г. в наш отряд пришла группа армейских разведчиков, в составе которой был Тимофей Краснов; он был ранен, остался в нашем отряде, вылечился и проявил себя храбрым и надежным бойцом. К нам неоднократно приходили разведчики из 43-ей армии. Они говорили Краснову о необходимости вернуться в свою войсковую часть. Но партизан продолжал успешно воевать в нашем отряде. Когда в начале августа 1944 года мы соединились с частями Красной армии, Тимофей Краснов оказался в штрафном батальоне «за невозвращение в свою часть после выполнения задания». В том же августе 1944 г. он погиб под Варшавой в первом бою со своим штрафбатом.

Запомнилось начало 1943 года. Суровая зима застала нас в том же «треугольнике» Орша–Витебск–Смоленск. Наш Смоленский партизанский полк особого назначения И.Ф.Садчикова вел в одиночестве затяжные бои с регулярными армейскими частями группы «Центр» и карательными подразделениями СС, СД, «усиленными» полицейскими. Они блокировали лес Щербий Дача и окружили полк Садчикова. Близкая линия Западного фронта помогала немцам свирепствовать, они сжигали все лесные деревни. Их атаки с разных сторон заставили командира 2-го батальона полка И.М. Борисова отдать приказ своим отрядам о круговой обороне лесного лагеря, где пребывала я с ранеными.

На рассвете (точной даты не помню) немцы начали «зачистку» леса сплошной цепью (через 5–6 м солдат от солдата), постреливая автоматными очередями в нашу сторону, помечая деревья зарубками. Во время того боя был тяжело ранен Дредун Иван Михайлович. Он истекал кровью, терял сознание, а у меня не хватало сил поднять этого тяжеловеса на себя; пришлось волоком тащить к своему перевязочному пункту, где меня ожидали другие раненые. Дредун пришел в себя и просит: «Сестричка не мучай себя и меня, я не выживу. Не хочу быть обузой. Пристрели!» А я заученными словами: «Потерпи миленький, скоро будет легче», но сама хорошо знаю, что скоро будет хуже. Раненых у меня уже 22 партизана, бинты кончаются, мороз крепчает, обогреть раненых негде, кормить их нечем. Командование прислало мне в помощь восемь партизан, в т.ч. Катю Гращенко (после войны и замужества она Хромова). Катя тоже из Касплянского района Смоленской области, но из деревни Шилы (в 10-и км от моей родной деревни Лоино). Вдвоем нам легче управляться с ранеными, которых пришлось «транспортировать без транспорта», выходя из окружения. По глубокому снегу в лесу и самим-то нам 17-и летним идти очень трудно, иногда проваливались в снег по грудь, часто приходилось падать, цепляясь за невидимые в снегу пни и сучья. Но значительно тяжелее было сопровождавшим нас носильщикам. Абрамкин и Струженков несли на самодельных носилках тяжело раненого Павла Федорова, который бредил и просил на морозе пить (только три дня прошло с той поры, когда я и ему в нечеловеческих условиях, ампутировала ногу обыкновенной одноручной пилой-ножовкой).

Лес до вечера был наполнен пулеметной и автоматной трелью. Утром тишина; идем цепочкой «след в след», выходим к просеке и вдруг слышится немецкая речь... Немцы шли рядом, громко разговаривали и оставляли на деревьях зарубки. («Обкладывали» они нас, как охотники волков флажками.) Раненые заволновались, пытаюсь их успокоить, но понимаю, что немцы действительно рядом и могут «отклониться» к нам. Что делать? Я с Катей, ранеными и их носильщиками начали уходить от просеки в сторону низины, к огромному упавшему с сучьями дереву, засыпанному снегом. С трудом выгребли снег из-под дерева и затолкали под него раненых, успокаиваем их, мерзнем, поправляем повязки, бредящим прикрываем рты. Немцев не слышно, они прошли мимо нашего пристанища с 29-ю партизанами стороной.

Начинало темнеть, все окоченели... Я со Струженковым решили убедиться в этом и вышли на просеку. Идем по просеке и видим что-то, темнеющее в стороне от нее.

Пошли на эту темноту и набрали на убитого нашего партизана, который лежал рядом со своим противотанковым ружьем. Возвращаемся к просеке и видим движущегося к нам человека. Идем навстречу и встречаемся с командиром батальона Иваном Михайловичем Борисовым. Он удивился и обрадовался; не ожидал увидеть нас живыми.

Комбата Борисова любили все в нашем полку. Когда его воинская часть под Вязьмой оказалась в окружении, Борисов с группой бойцов вырвался и оказался в местном партизанском отряде. Затем он стал комиссаром одного из отрядов нашего полка, многократно проявлял героизм, мужество и отвагу. При реорганизации отрядов в батальоны Борисов стал комбатом 2-го батальона. Встретив нас, он сразу же выделил группу партизан для доставки раненых в оборудованный для них лагерь. ... Всю политико-воспитательную работу в полку тащил на себе комиссар капитан Юрьев Андрей Федорович. Благодаря его усилиям и старанию секретаря партбюро Лагерев Самуила Арсентьевича у нас была организована редакция газеты «Народный мститель». Заглавие газеты и все художественное оформление статей выполнял Виктор Александрович Громько - после войны известнейший в БССР художник, академик и проф. живописи. Главным редактором газеты был сам А.Ф.Юрьев, его помощником-редактором С.А.Лагерев. Основную правку статей осуществляла технический редактор Романова Э.С., мать Алика Романова, распространителя газеты. (Алику было 10–11 лет, но он успевал своевременно доставлять в батальоны и окрестности еженедельные выпуски газет и листовок, был активным участником художественной самодеятельности, идейными вдохновителями которой были комиссар Юрьев и секретарь парткома Лагерев). Постоянными корреспондентами газеты были Рублевский С.А., ставший после войны заместителем министра лесного хозяйства БССР, Рудин Б.С. — после войны известный художник «Рекламфильма», Вороняев Н.М. — после войны полковник КГБ и др.

*А.М.Михайловская (второй ряд сверху, восьмая справа)
с командирами Смоленского партизанского полка. Август 1943 г.*

17 апреля 1944 г. я была тяжело ранена. Ранения до этого я обретала в 1942 и 1943 гг. Но здесь, в 15 км от Полоцка (д. Межигорье) в бедре левой ноги оказалось сразу три пули. Наш полк был тогда прижат к железной дороге и блокирован подразделениями СС и СД с немецким бронепоездом. Я пробиравлась для перевязки партизана, раненого у деревенского кладбища, но около него меня свалила автоматная очередь. Пришлось собственноручно перевязываться, перекатываясь с бока на бок. Не было хирургических средств для извлечения трех пуль, застрявших глубоко в бедре, у врача Федора Михайловича Романова (сменившего заболевшую Лидию Романовну Клебановскую). Когда он узрел начавшие розоветь пятна, свидетельствующие о приближающейся гангрене, появилась вероятность о необходимости ампутации, которая для меня не был неожиданной. Но дальнейшая жизнь безногой в мои девичьи 17 лет представлялась невыносимой, и я сказала Федору Михайловичу, что если суждено умереть, то [пусть] похоронят меня с двумя ногами. К счастью, по его просьбе, наши разведчики принесли из-за линии фронта много медикаментов и Фёдор Михайлович начал делать уколы в мое бедро. Вскоре он установил точную причину краснеющих пятен — «рожистое воспаление». Я начала поглощать много таблеток и выздоравливать.

Спасла меня передышка перед уходом в болотные походы; удалось полежать в госпитальных условиях около недели в ожидании самолета около Ушач — в центре Полоцко-Бегомльского партизанского края. Раненых в полку было много, а самолеты из-за линии фронта прилетали редко. В тот же день (17.04.44) был ранен и знаменитый наш минер Степан Варочкин. Он торопился минировать оставляемые позиции у перегона, по которому курсировал немецкий бронепоезд, но по непонятной причине у минного взрывателя что-то оказалось погнутое. При его исправлении перед установкой в мину, взрыватель взорвался самопроизвольно и оторвал у Степы все пальцы с частью кистей обеих рук. До своего ранения я перевязала култышки героя Варочкина, которого успел увести самолет с Ушачского аэродрома в госпиталь на Большую Землю.

После отступления соседствующих с нами партизанских отрядов, полк Садчиков получил приказ командования отойти от Полоцка к Ушачам и возглавить ударную группировку прорыва из блокады в западном направлении. С 4 на 5 мая 1944 г. осуществился прорыв вражеской блокады, но полк оказался в другом кольце вражеского окружения. Боеприпасы иссякли; попытку повторного прорыва через вражеские укрепленные позиции полковник Садчиков решил не повторять. Нашелся проводник, который сопровождал наш переход через болото, слывшее непроходимым. Перебраться через болотные топи не все смогли; среди утонувших оказался даже молодой писарь штаба полка с запоминающейся фамилией Иванов. Вместе с ним болотная топь поглотила секретную сумку с документами, копиями наградных листов, списком личного состава по состоянию на начало мая 1944г.

С огромными усилиями и потерями полк выбрался из болота, но оказался опять перед сильно укрепленными немецкими позициями. Без боеприпасов, продуктов питания и медикаментов мы были вынуждены возвращаться в холодные болотные топи и уходить от, следовавших по пятам за нами, немцев с овчарками и болотным снаряжением. В болотной воде мои раны воспалились и причиняли невыносимую боль. Но положение многих было ужаснее. Страшно вспоминать тяжесть утрат, подобных мучительной гибели командира взвода 2-го батальона Банникова (его имя, к сожалению, забыла не только я). Ему, сибиряку и армейскому минеру было около 35 лет, когда он попал в окружение под Смоленском и бежал из плена. Русый сибиряк, крепыш, красавец обладал высоким ростом, бесстрашием и [пользовался] уважением всех его знавших; при прорыве блокады под Ушачами он был тяжело ранен. Из оторванной ноги выше паха у волевого молчаливого командира выползали из брюшной полости кишки; нечем было остановить обильное кровотечение из паха здоровяка. От невыносимой боли он часто

терял сознание, ничем я не могла облегчить его муки. Банникова несли по болоту на носилках (двух жердях) два партизана из его взвода. Когда раненый приходил в сознание, то настойчиво требовал от подчиненных, чтобы его пристрелили. Просьбу командира взвода передавали его бойцы в голову цепи руководству полка. После третьей передачи требования раненого о прекращении его мук, из головы колонны сообщили (вероятно, решение командира полка) «разрешаем».

Банников, вероятно, услышал передаваемое по цепи «разрешаем», попросил положить его в какой-нибудь болотный куст и оставить ему гранату для достойной встречи преследователей с собаками, дикий лай которых приближался. Бойцы взвода уложили своего командира на раздвинутые сучья болотного куста, накрыли безногого плащом–палаткой и подали ему связку из трех противотанковых гранат. Мы недалеко ушли от оставленного командира взвода, когда раздался мощный взрыв. Лай собак прекратился, наши разведчики Миша Егоров и Миша Болтунов вернулись к месту, где оставили Банникова, но не обнаружили его останков, а около места взрыва валялось восемь трупов немецких солдат с двумя овчарками. О командире взвода 2-го батальона Банникове жива страшная память (к сожалению, уже у не многих).

У многих жива память о невыносимых болотных условиях, в которых оказался Смоленский партизанский полк Садчикова в начале мая 1944 года. Костры разводить не разрешалось даже после того, как выбрались на сухой островок в середине болот. Над нами часто летали немецкие разведывательные рамы. Когда они появлялись все ложились «трупам» на мокрую землю (а иногда и в болото) и не шевелились, когда летчики с низкой высоты, вероятно, фотографировали нас. Днем болото часто бомбили, обстреливали, но бомбы, мины и снаряды, к счастью, рвались в стороне. Голодали все. Ели еловые шишечки, которые начали появляться, жевали кожаные ремни (те, у которых они были), ели кору с деревьев, жевали молодые побеги ветвей, пили болотную воду, но никто не заболел дизентерией. Нам медикам было тяжело видеть страдание раненых, но ведь страдали и сами без медикаментов, еды, теплой воды, без хлеба и соли...

Не легкими дорогами медсестры партизанского отряда прошла я, но еще тяжелее выживать пришлось моей маме Акулине Трифоновне Подорниковой. В августе 1942 г. немцы арестовали жену Ковындикова²⁶ и мою маму за меня; увезли их в Смоленск. Там ежедневно в течение месяца ее допрашивали «с пристрастием», выбили прикладом зубы, сломали нижнюю челюсть и правую руку. Ее ставили к стене и стреляли из автомата выше головы, но на вопрос «Где дочка» она отвечала: «Не знаю. Ничего не знаю!» и крестилась правой рукой, а когда ее сломали, то крестилась левой... Не добились изверги желаемых сведений от матери партизанки, и принялись морить голодом моих малолетних сестер и брата; запретили приносить им еду, но бабушка (мать моей мамы) умудрялась принести в рукаве фуфайки сваренную картошку и кусочки хлеба. Мама прозябала в известном «лагере смерти» Каменка около Смоленска, до освобождения нашей армией в 1943 году.

Сразу же после освобождения Белоруссии от гитлеровцев я поступила на 2-й курс зубоврачебной Минской школы, которую успешно окончила в 1946 году. Одновременно работала медсестрой в Минской клинике Клумова. Позже поступила в Иркутский стоматологический институт, который окончила в 1965 году и успела порадовать мамочку дипломом врача. В 1968 году я похоронила маму в Минске, а затем оказалась в Москве, куда перевели работать мужа.

Я горжусь своей комсомольской юностью. Горжусь преданностью долгу и Родине не только своих партизанских, но и войсковых командиров и комиссаров,

²⁶ Ковындиков Дмитрий Прокофьевич, партизан из бригады Шлапакова Ивана Романовича. – *Прим. ред.*

которые не за награды вели нас к Победе над коварным врагом. Печально, что сегодня многие недооценивают значение для государства лозунга «Никто не забыт и ничто не забыто». Кто и кому дал право решать о «прекращении награждений за участие в Великой Отечественной войне»? Как довести до сознания ограниченных чиновников несправедливость лишения представленных к званию Героев Советского Союза партизан Борисова, Варочкина, Коляды, Морозова и многих других Героев и Героинь, безвестно павших для Победы над фашизмом?

В конце войны, когда от немецких армий «Центр» остались только воспоминания, Геббельс в Берлине осознал безумие лозунга «Вперед на Восток» и писал о наших командирах в своем дневнике: «...За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева... Приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... У меня такое впечатление, что с таким подбором командных кадров мы конкурировать не сможем, и фюрер полностью со мной согласился». Это прозрение Геббельса (с которым согласился Гитлер) было опубликовано в 1992 году.²⁷ Почему о «убежденных коммунистах» «забыли» Горбачев и Ельцин, разваливая государ

²⁷ Б.Г.Соловьев. Из дневников Геббельса // Новая и новейшая история, 1992, №5, С.213.